

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Следствие

«В один зимний вечер при оглушительном лае собак к завалившейся избе подъехал судебный следователь на паре обывательских лошадей. Пока хозяйка дома с длинной хвостотиной в руках бегала за остервенившимися собаками с угрожающими возгласами, а ее муж в нагольном тулупе украдкой выглядывал из сеней...»

**Николай Васильевич
Успенский
Следствие**

В один зимний вечер при оглушительном лае собак к завалившейся избе подъехал судебный следователь на паре обывательских лошадей. Пока хозяйка дома с длинной хвостинкой в руках бегала за остервенившимися собаками с угрожающими возгласами, а ее муж в нагольном тулупе украдкой выглядывал из сеней, следователя встречал местный старшина таким известием:

– Вашему высокоблагородию отвели квартиру у отца дьякона, а доктору и становому у бабушки.

– Это для меня решительно все равно, – сказал следователь и торопливо устремился в свою квартиру, освещенную единственной сальной свечкой, нагоревшей до того, что портреты духовных лиц и военные герои, висевшие на стенах, казались как живыми, шевелясь в волнообразной борьбе света с тьмою. Между прочим, следователь при входе в избу немало был изумлен писком и грохотом крыс, бросившихся по щелям, лишь только хлопнула дверь.

Пока готовился самовар, гость завязал разговор с хозяином, стоявшим у самой двери и,

по-видимому, готовившимся исчезнуть с быстротою молнии; однако первый осмелился начать речь следующим замечанием:

– Холодненько сегодня. – При этом он запахнулся, осторожно вздохнул и посмотрел на потолок.

– Ваша правда; холод изрядный...

– Не прикажете ли ваше одеяние развесить на печке... мы сегодня нарочно топили для вашего приезда... так ежели что посушить... оно за ночь-то провянет за первый сорт!

– Прикажете из калош снег выбить... давеча мы сбились с дороги... Я слез, да и увяз в снегу чуть не по колена.

– Очень хорошо!

Хозяин отворил дверь и крикнул: «Эй! Алешка!» Явился в одной рубашке, босиком мальчик лет двенадцати.

– Бери калоши, осторожно вытряси снег... да того... поставь их посушить на печку... понимаешь?

– Понимаю.

– Да чтоб завтра до свету были вычищены.

Мальчик схватил калоши и опрометью

бросился вон, закричав: «Самовар ушел! самовар ушел!..» За этим возгласом последовала беготня в сенях и женские крики: «Скорей! ушел! ушел! давайте крышку! где конфорка?»

– Велико ваше семейство? – спросил следователь хозяина, который глубоко вздохнул и отвечал:

– Как песок морской... Истинно, не лгу!..

В это время девушка лет двадцати внесла огромный самовар и, держа голову набок, поставила его на дубовый стол.

Затем она скромно отошла к стене и начала обдергивать свой фартук.

– Чайник позвольте, – сказал гость.

– Чайник! – грозно крикнул хозяин.

Девушка, исполнив требование, снова стала к стене. – Стаканы или чашки позвольте, – сказал следователь.

– Стаканы! – повторил хозяин.

Девушка полезла в шкаф, а хозяин шепотом говорил ей:

– Экая ты! неужели сама не догадаешься?..

– Оставьте! без вас знаю! – в свою очередь прошептала девица. Поставив стаканы на стол, она вышла.

– Прошу покорно чайку попить, – предложил гость.

– Чувствительно вас благодарю, – подходя к столу, сказал хозяин, – я, признаться, чай люблю; но сахару весьма мало употребляю. По мне, его хоть не будь.

– Водочки не угодно ли?

– Вот это полезно – особенно после трудов... нынче целый день молотили...

– Сейчас прикажете налить?

– Да! уж перед чаем!.. оно как будто тверже... Будьте здоровы! это, должно быть, не простая?

– Бархатная! прямо с завода...

– Я уж чувствую...

– Не прикажете ли еще?

– Если милость ваша будет, позвольте.

Хозяин выпил вторично и видимо приободрился. Даже голос вдруг сделался громче, из нежного тенора перешел в густую октаву, от которой дрожали стекла. Расположение духа также изменилось: отхлебнув глоток чаю, хозяин воскликнул:

– Скажу вам... люблю я от всей моей души образованных людей... Клянусь господом бо-

гом! Подумаешь: сколько?.. Гмм... да нет! уж лучше не говорить!

– Не восторгайтесь образованными людьми, а вы мне лучше вот что скажите...

– Ах, нет! не говорите... Как это можно?..

– Я приехал сюда, вы знаете, по делу...

– Знаю, ваше высокоблагородие: насчет мужика, что удавился.

– Ну да! вы знавали его?

– Помилуйте! наш гражданин, да не знать...

– Каков он был человек?

– То есть который удавился-то?

– Да! не можете ли вы мне что-нибудь сказать об нем?

– Отличный был человек! вот вам Христос! Конечно, уж теперь бог ему судья; жалко, что погубил свою душу; только человек был степенный, работающий и к церкви прилежен.

– Вы никого не подозреваете в его смерти?

– Никого-с!.. – Хозяин подумал и сказал: – Да позвольте: кто согласится, к примеру будем говорить... Ну, кто согласится удавить его? Что у него есть? богатство, что ли, какое?

– А он беден был?

Хозяин на этот вопрос так решительно махнул рукой, что едва не уронил стакан.

– Одно слово: голь была непокрытая... Всю жизнь боролся с бедностью... то дом в третьем году сгорел, то лошади пали... а тут как пошли неурожаи. Эх! ваше высокоблагородие! ведь человек не камень... камень и тот от жару трескается...

– Позвольте вас поблагодарить за то, что вы мне сообщили про покойника...

– Помилуйте? За что же?

– Нет, видите, в чем дело: человек вы, как я вижу, откровенный, простой: каждое ваше слово для меня дорого: теперь для меня все ясно... Не лучше ли, однако, нам выпить да подумать об ужине?

– Прекрасно!

– За ваше здоровье! – сказал гость.

– Об ужине вы не беспокойтесь: изготовим все, что только вам будет угодно.

Хозяин выпил и отправился в другую половину своего дома. Вскоре он явился с известием:

– Ваше высокоблагородие! что будет угодно? Яичницу с ветчиной, или прикажете

убить курицу?

В это время под окнами раздался колоколец, и в избу вошли доктор и становой.

– Вы вот где? – закричал доктор, снимая с себя шубу. – А мы, батюшка, плутали, плутали с Антоном Прохоровичем... насилу доехали!

– Вам, господа, отведена квартира в доме священника, – сказал следователь. – Впрочем, если угодно, ночуем все здесь.

– Ничего! разберемся! – сказал доктор. – А вот у вас чай и водка – это кстати! Ну уж и буря поднялась! свету божьего не видно!

– Представьте! – заговорил становой, – поехали мы на деревню Круговертовку... оттуда надо держать на Волчий Верх... ведь вы знаете? Что ж? каких-нибудь версты три, не больше! Хорошо!.. выехали мы, уж начало смеркаться; вдруг кучер остановился: что такое значит? Смотрим: лошади стоят под крутым обрывом...

– Это вы, вероятно, взяли ниже... там дорога сбивчивая, – сказал хозяин...

– Уж я знаю эти места: ночью непременно собьешься... особенно во время метели... Ну, да что толковать! надо деробнуть хорошень-

ко.

– Не наводили справки? – спросил доктор следователя.

– Когда же было наводить? Я сам сейчас только приехал...

В избу вошел фельдшер с ящиком и портфелью...

– Иван! – обратился к нему доктор, – завтра чем свет будь готов... поточи скальпель, пи-лу... одним словом, чтобы все было в порядке... На-ка выпей с морозу-то! Да отправляйся к священнику. Скажи, что мы сейчас придем, только выпьем по стакану чаю.

– Кто у вас тут удавил мужика? – спросил хозяина становой.

– Почему же мы знаем, ваше благородие? – Ведь мы с ним не в одном доме жили.

– Наделал он нам хлопот!..

– Сколько этих следственных дел! Ужас, ужас! вот надо еще ехать в деревню Мухортовку – там грабеж какой-то случился...

– А вы слышали, какой тиф свирепствует в наших краях? – сказал доктор.

– Разве тиф бывает зимою?

– Отчего же нет? В деревнях бывает. А уж о

скорбутах, лихорадках, водянках и говорить нечего! Крестьянские дети мрут как мухи... Впрочем, что ж? просторней жить будет...

– Все дело рук божиих, – заметил хозяин.

– Разумеется...

– Сказано: без воли моей влас главы не погибнет... Явилась работница священника и объявила:

– Батюшка вас просит на чашку чаю.

– Ну, прощайте! Завтра пораньше вставайте, да и за дело...

Становой и доктор отправились в свою квартиру.

Следователю принесла хозяйская дочь ужин. Она как

вкопанная стала у двери вместе с своим родителем.

– Позвольте ложку, – сказал гость.

– Ложку! – подтвердил хозяин.

Девушка отправилась в другую половину и принесла деревянную ложку.

– Ножик и вилку одолжите...

– Ножик и вилку!

Исполнив требуемое, девушка стала к стене.

– Соли! – сказал следователь.

– Неужели ты этого не понимаешь? – прошептал хозяин дочери.

– Что вы пристали? – заметила девушка, – понимаем тоже кое-что без вас.

– Не угодно ли со мною поужинать? – предложил следователь хозяину.

– Нет-с, мы этого не потребляем... сегодня постный день.

– Я и забыл... извините.

– Мы соблюдаем устав...

Между тем в трубе завывал ветер, а на потолке неистово горланили кошки. Хозяин сказал дочери:

– Дуняша! вели прогнать их!

– Они каждую ночь кричат, – сказала девушка, – сюда повадился поповский кот...

Девица вышла, и вскоре в сенях раздался крик народа, а на потолке загремели поленья, камни и ухваты...

– Ишь каторжные! – говорил хозяин, прислушиваясь к грохоту, – должно быть, они сидят под трубой.

Хозяин отворил дверь и крикнул:

– Влезьте кто-нибудь на потолок да стащи-

те их оттуда...

– Агафон! лезь!

– Возьми хорошее полено!

Через минуту на потолке слышались шаги, и оттуда, как сквозь сито, посыпался мусор, причем раздавались голоса:

– Волоки их!

– Ах, черти!

Мало-помалу тишина водворилась. Лишь время от времени хлопали на улице ставни да ветер шуршал соломенной крышей.

– А ведь дни стали прибывать, – говорил хозяин, – теперь отчего стоят холода? Оттого, что солнце поворотило на лето, а зима на мороз. Да! везде премудрость божия!.. Вот тоже толковали о назначении нам жалованья, а до сего времени ничего нет. Однако прощайте! желаю вам покойной ночи, приятного сна. – Хозяин удалился.

Следователь задул свечку и лег в постель. Не прошло пяти минут, как кошки снова начали концерт; к этому присоединился неугомонный писк и беготня крыс по комнате, отчего в разных местах гремели бутылки, банки и тарелки. А между тем ветер по-прежнему

выл в трубе; от бури изба даже скрипела, и следователю казалось, что он лежит в каюте парохода, обуреваемого морскими волнами... Очарование было так сильно, что даже лай собак под окном не в силах был разубедить его, что он не на море.

Рано утром следователь услышал скрип двери в сенях, женские голоса и рев скотины. На дворе кричала пойманная курица. Слышно было, как толпа народа сопровождала ее на улице, где хлопнул топор, и крик птицы мгновенно прекратился. С двора в сени ломились свиньи, коровы и лошади. Борьба людей с животными сопровождалась хлопаньем папок и пр...

Следователь, наконец, решился встать и, вдруг увидев на своем одеяле откуда-то налетевшую кучу снега, сказал: «Ох-хо-хо!» Вошедший хозяин объяснил гостю, предварительно поздравив его с добрым утром:

– Это нанесло из стены... Там есть маленькая щелка... мы, признаться, заложили ее пенькой! должно быть, как-нибудь ветром выдуло... – И хозяин начал искать пеньку.

– Скажите, пожалуйста, – спросил следова-

тель, – что это у вас за крик в сенях?

– Да извольте видеть: скотина лезет со двора, просит корму; а корму нет...

– Ее и угощают палками?

– Что ж делать? хозяйство того требует... И доложу вам: верьте совести! последние времена приходят!.. то есть такая бескормица везде – боже избавь! А что будет к весне? и подумать страшно.

– Ничего! – сказал следователь, – потерпите.

– Само собою так! Куда ж деваться-то? Да уж признаться, ваше высокоблагородие, иногда и сил не хватает, вот вам честной крест!.. И, полагаю я, все это оттого, что веры в нас мало... оскудела она в сердцах наших... д-да!.. Прежде люди были благочестивей.

Вошел старшина с цепью на груди, помолился богу и сказал:

– С добрым утром, ваше высокоблагородие! пожалуйте на следствие. Становой и доктор ждут вас.

– Понятые собрались?

– Они в волостном правлении.

– Так прикажите им идти на место пре-

ступления. Часов в девять утра гурьба начальства с понятыми двинулась к завалившейся мужицкой избе, вокруг которой вместо двора стояли одни сохи и лежали плетни. В раскрытых сенях стояла едва живая корова, мутными глазами осматривая начальство. В углу сеней висел труп, над которым мирно сидели голуби. В нетопленной избе на хорах лежали два больные мальчика. Гостей встретила оборванная хозяйка с удушливым кашлем. В полдень следствие было окончено.

– А как вы думаете, – говорил доктор следователю дорогой, – ведь вопрос об искусственной пище, поднятый нашими учеными, заслуживает полного внимания!..

– Я с вами согласен. Особенно если принять в соображение награды, которые двигают нашими учеными, – вопрос об искусственной пище должен иметь строго научный характер. Но я разумею награды не материальные, как, например, разного рода повышения, знаки отличия, а сознание своего успеха и победы над природой, то есть награду нравственную... Возьмите вы недавно рекомендо-

ванное открытие употреблять в пищу конину, даже дохлую... Разве это не завоевание науки? Правда, народ наш гнушается кониной... но вольно же ему церемониться? Известно, что русский мужик одержим грубыми предрассудками и притом находится в совершенном неведении относительно того, сколько питательных начал, сколько белковины, фибрина, фосфорных и других необходимых для организма солей пропадает напрасно в лошадином мясе!

– Но если меня будет тошнить и рвать от конины, – неужели она послужит в пользу моему организму?

– Надо приучить себя! Всякий новый артикул требует упражнения. Вы посмотрите, как наши газеты заботятся о введении этого нового кушанья в употребление... В них напечатаны по этому поводу огромные статьи, хотя, конечно, я не могу согласиться с предположением, чтобы сами редакции заменяли на своем столе *filet de boeuf a la mode*[1] маханиной или *filet de cheval*...[2] Да оно так и должно быть: лошадина рекомендуется одним беднякам... Вообще я не вижу причины, почему бы

нашему крестьянину не есть по крайней мере свежего лошадиного мяса? резать живых лошадей, как быков, и есть их.

– Шутник вы! – заметил доктор. – Ну что, если в самом деле крестьянин зарежет свою единственную трехногую клячу... что тогда с ним будет?

– А то, что он введет в свой организм питательную пищу, а не мякину и лебеду...

– Ну, батюшка! Вы хотите уж всех мужиков нищими сделать... как же они будут тогда обрабатывать землю, как поедят последних своих кляч?

– Это не мое дело. Я строго держусь науки!.. За меня целая фаланга наших ученых мужей!..

Путники въехали в город.

1867

Примечания

1

Говяжью вырезку по моде (*фр.*).

[^^^]

2

Конской вырезкой... (*фр.*).

[^^^]